

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Филологический факультет
Кафедра русской и зарубежной литературы

**ЛИЧНОСТЬ
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**Материалы
VI Международной
научно-практической конференции**

Москва, 17–18 ноября 2011 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2011

ББК 6/8
Л 66

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

*Выполнено в рамках инициативной
НИР «Конфликтогенные процессы в отечественной
и зарубежной коммуникативной среде:
литература, журналистика, СМИ»*

Под общей редакцией
д.ф.н., профессора *А.Г. Коваленко*

Л 66 **Личность в межкультурном пространстве:** Материалы VI Международной научно-практической конференции. Москва, 17–18 ноября 2011 г. – М.: РУДН, 2011. – 335 с.

ISBN 978-5-209-04153-5

© Коллектив авторов, 2011

© Российского университета дружбы народов, Издательство, 2011

мероприятий. Темы тренингов и упражнения подбирались исходя из проблем выявленных по данным исследования.

Таким образом, общими усилиями создаются наиболее благоприятные комфортные условия для оптимальной адаптации студентов к обучению в среднем специальном учебном заведении.

Список литературы:

1. Сорокина А.П. Адаптация и управление свойствами организма. – М.: «Медицина», 1977
2. Смирнов С.Д. Педагогика и психология среднего профессионального образования. М., 2001
3. Симаева И. Н. Динамика эмоционально-чувственного состояния личности в процессе адаптации к деятельности. - Калининград, 2002.
4. Бирюкова М. В. Трудности первичной адаптации первокурсников в среднем профессиональном учебном заведении // Роль профессионального педагогического образования в модернизации системы образования
5. Кузбасса: Материалы региональной научно-практической конференции / Под. ред. Власовой С. А., Моцарь С. В., Геровкиной О. Г., Ленинск-Кузнецкий, 2006. С. 21–24.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТАТАРСКОГО И УДМУРТСКОГО СОЦИУМОВ

Э.Р.Хакимов

Россия, Ижевск,

Удмуртский государственный университет

Этносы, проживающие бок о бок, нередко перенимают друг у друга не только достижения материальной культуры с новыми языковыми конструкциями, но и элементы духовной культуры: отношение к разным явлениям, суеверия, пословицы, мелодии и др. Такие явления наблюдаются на

границах проживания удмуртского и татарского этносов – в соседских или смешанных деревнях и поселках в Поволжье. Возникает возможность искать ответы на вопросы: проживание «на границе» культур – это эмпирический опыт преодоления межкультурных границ и создания «новой» культуры? или это возможность для осознания уникальности собственной культуры с признанием «иных» культурных особенностей? или – это ситуация усиления негативных стереотипов и предубеждений в адрес «другого» этноса?

Известно, что различия между «своей» и «другой» этническими культурами четко фиксируются в этнических стереотипах. Как правило, авто-стереотипы гораздо более позитивны, чем гетеро-стереотипы, а межкультурные различия объясняются исходя из этноцентрического понимания: «мы» - правильные, «они» - девиантные. Исследовательские вопросы данного материала: Каковы особенности восприятия (и непонимания) друг друга представителями удмуртского и татарского этносов? В чем причина разницы восприятия традиций («принято – не принято») между людьми этих этносов на одной территории?

Ответы на данные вопросы, на наш взгляд, возможны в трех методологических подходах: «Этнографическом» – систематически описывающем наблюдаемые особенности этноса (М. Мид, Р. Бенедикт, Г.А. Никитина и др.), «Психологическом» – выявляющем «Базовые ценности» представителей этноса (Ш. Шварц, К. Клакхон, В.Ю. Хотинец и др.), «Социологическом» – систематизирующем ответы представителей этноса о традициях (Г. Хофстеде Р. Льюис, Н.В. Латова и Ю.В. Латов и др.).

Исследовательский метод. Мы применили модель «Различий между культурами различных наций» голландского профессора Гирта Хофстеде (Hofstede, 2001) к собственным многократным наблюдениям проявления

этнических стереотипов удмуртов и татар друг о друге в «местах контактного проживания» и некоторых данных исследований авто- и гетеро-стереотипов, чтобы объяснить некоторые причины взаимонепонимания культурных различий. Г. Хофстеде работал в 1970-е годы в психологической службе транснациональной корпорации IBM и организовал исследование в 72 филиалах корпорации в 40 странах (всего было заполнено 116 тысяч анкет на разных языках). Автор пришел к выводу, что существует несколько базовых характеристик, по которым страны (национальности) отличаются друг от друга: «Маскулинность/Феминность», «Стремление избежать (уклонение от) неопределенности», «Дистанцирование власти», «Индивидуализм/Коллективизм» и др. Здесь под культурами понимались традиционные для данного социума (этноса, страны) предпочтения.

«Маскулинность» или «феминность» культуры связана не столько распределением мужской или женской ролей, сколько с ориентацией общества в целом. «Маскулинное» общество приветствует достижение целей, культ успеха, жизнь ради работы, логику, стремление быть первым. В «Феминном» – человек ставит хорошие отношения с людьми выше успехов, ориентирован на равенство и солидарность, ценит комфорт жизненного пространства, «неудачникам» сочувствуют, решения часто принимаются интуитивно. При воспитании детей в «Маскулинном обществе» поддерживается соревновательность в классе и все стараются выдвинуться; ученики переоценивают свои собственные результаты, а их «яркость» восхищает учителей и родителей; часто слышно, что «мальчики не плачут» и фактически одобряется детская агрессия; самое важное в жизни – это зарабатывание денег, карьера, достижения. При воспитании в «Феминном обществе» поощряется скромность и ученики недооценивают свои собственные результаты;

демонстрируется подозрительность по отношению к тем, кто пытается выдвинуться; детей учат избегать агрессии и драки не разрешены; как девочкам, так и мальчикам разрешается плакать; внимание учителя обращено к слабым ученикам; самое важное – это человеческие отношения и «качество жизни». К первым странам, по полученным Хофстеде данным, были отнесены Япония, Австрия, Италия, Мексика; ко вторым – Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия.

Интересно, что люди из «Маскулинных культур» воспринимают представителей из «Фемининных культур» как застенчивых, тихих, излишне мягких, не способных отстаивать свои права. В свою очередь, люди из «Фемининных культур» считают представителей противоположного полюса как чрезмерно агрессивных, шумных, эгоистичных, жестких. По-видимому, удмуртская культура – феминная, татарская – маскулинная. В доказательство можно привести некоторые данные о распространённых стереотипах удмуртов о самих себе: «скромные», «робкие», «стеснительные», «слабохарактерность» (Кардинская, 2005), татар об удмуртах: «спокойные, хладнокровные» (Хотинец, 2008), татар о себе: «предприимчивость» (Республика Татарстан, 1999), русских о татарах: «деловитость» (Республика Татарстан, 1999), удмуртов о татарах: «шумные», «навязчивые», «хитрые» («Бигер кышно кадь»). С близостью удмуртской культуры к феминному типу связаны и трудности определенной части удмуртских сельских жителей при адаптации в русском городе (Хакимов, 2008).

«Дистанцирование власти» – это параметр культуры, описывающий готовность людей принимать неравномерность распределения власти в институтах и организациях, это представление о мире, связанное с решением вопроса: почему не все люди равны. Полосы решения этого вопроса: потому что «так надо для дела» или потому что «таков порядок мира». В первом случае –

маленькая дистанция власти – в тех обществах, которые склонны скорее к демократическому стилю управления, где нет установки на жесткую иерархию, приветствуется сотрудничество и т.д. Чем выше «Дистанцирование власти», тем более естественны для людей иерархии, принцип «приказы не обсуждаются», тяга к централизованному управлению. Дистанция власти показывает насколько представители данного социума склонны к тому, чтобы жить при деспотии и тирании. При воспитании детей в «Обществе с низким дистанцированием власти» поддерживаются инициативы от учеников в классе во время урока и учителя предполагают, что ученики будут спрашивать учителей, как выполнить неясные им задания; дети обращаются с родителями и с другими родственниками как с равными и дети не играют роли в обеспечении «счастливой старости» родителей; неравенство между людьми уменьшается, насколько это возможно, а учителя являются экспертами, которые передают отделенные от их личности («надличностные») истины. При воспитании в «Обществе с высоким дистанцированием власти» поощряется уважение к родителям и пожилым родственникам и дети – это основа безопасной «счастливой старости» родителей; инициатива на уроке исходит преимущественно от учителя и ученики проявляют уважение к учителю даже вне класса; учитель – это гуру, который передает свою мудрость, а качество обучения зависит исключительно от учителя; менее властные люди должны быть зависимы от более властных, так как неравенство между людьми предполагается и желательно. К первым странам, по полученным Хофстеде данным, были отнесены мусульманские страны, Латинская Америка, Россия, ко вторым – Австрия, Дания, США, Германия, Финляндия.

Люди из «Обществ с низким дистанцированием власти» воспринимают представителей из противоположных обществ как «твердолобых» и любящих командовать (о

людях высокого социального статуса) или как излишне дисциплинированных и безынициативных (о людях низкого социального статуса). В свою очередь, люди из «Обществ с высоким дистанцированием власти» считают представителей других обществ как невежливых, недисциплинированных, заносчивых и не почитающих старших. И татары, и удмурты – это представители российского общества, в котором традиционно высоко дистанцирование от власти, однако в татарской культуре оно выше. Доказательство тому служат устойчивые автостереотипы татар о себе: «дисциплинированные» (Солдатова, 1997), «покорность», «терпение» (Республика Татарстан, 1999), удмуртов о себе: «терпеливость» и «молчаливость» (Кардинская, 2005).

«Стремление избежать неопределенность» – измеряет степень, в которой люди чувствуют угрозу от неопределенных, неясных ситуаций, и степень, в которой они стараются избегать таких ситуаций. Отражает, насколько люди стремятся работать или жить в каких-то обстоятельствах, в которых есть четкое понимание существующих правил, формализация. Культуры с высоким уровнем избегания неопределенности, отличаются потребностью к формализованным указаниям, нормами поведения с высокой тревожностью, нетерпимостью к «не таким» людям и идеям и наоборот, низкий уровень избегания неопределенности – это где люди проявляют инициативу, импровизируют, склонны к риску и не очень любят правила. Как правило, более традиционная культура склонна к большему избеганию неопределенности, чем модернизирующаяся. Высокий уровень «Избегания неопределенности» характерен для Греции, Португалии, Бельгии и Японии, низкий – для Сингапура, Канады, США, Швеции, Дании. И удмуртская, и татарская культуры имеют в равной мере высокий уровень «Избегания неопределенности», о чем свидетельствуют стереотипы удмуртов о себе: «трудолюбие», «закрытость и

необщительность», «привязанность к семье, к родному краю», «гостеприимность» (Кардинская, 2005), татар об удмуртах: «настороженно относятся к чужакам» (Хотинец, 2008), татар о себе: «трудолюбие», «чистоплотность», «гостеприимность» (Республика Татарстан, 1999).

«Индивидуализм/Коллективизм» — отражает склонность людей к индивидуалистическому поведению или коллективному: «Кто Я — часть группы или уникальная личность?» Разные культуры дают на него разные ответы. В индивидуалистской культуре главная ценность — это я сам, мое мнение, мое пространство. Противоположный полюс — коллективизм. Он связан с ценностью принадлежности к группе. По данному параметру удмуртская и татарская культуры практически идентичны (Христолюбова, 1992, Никитина, 1997).

«Имея у себя под рукой «арсенал» измерений культуры, мы можем безоценочно, а значит, и более толерантно говорить об этих различиях... Это язык, которым можно пользоваться для описания культурных различий, для анализа и понимания ситуаций, происходящих в нашем общении с детьми из иной культуры. Если мы можем видеть различия и сходства, если мы согласны с ценностью обоих вариантов решения базовых вопросов, — тогда мы сможем понять друг друга. Самое главное, когда мы общаемся с ребенком из иной культуры (или его родителем), — помнить, что сказанное или сделанное мной может быть воспринято совсем не так, как мной подразумевалось» (Хухлаев, 2010).

Выводы. По многим параметрам удмуртская и татарская культуры близки друг другу: совпадают «Стремление избежать неопределенность», «Дистанцирование власти», «Индивидуализм/Коллективизм». Однако по параметру «Маскулинность/Феминность» — эти две культуры кардинально различаются. Здесь кроется причина

взаимонепонимания представителями данных этносов друг друга, закрепленная в негативных гетеро-стереотипах.

Понимание существования культурных различий этносов, проживающих бок о бок, как данности, будет способствовать межкультурному взаимопониманию в качестве нормы со-общества. Именно тогда толерантность – как «уважение культурной самобытности» (Хакимов, 2008) может превратиться в реальность обыденной жизни

Список литературы:

1. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001.

2. Кардинская С.В. «Повседневность» удмуртской этничности: язык стереотипов и варианты его интерпретации // Социологические исследования. 2005, №5. (Режим доступа на 01.10.2011) <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-5/kardinskaya.pdf>

3. Никитина Г.А. Народная педагогика удмуртов. – Ижевск, 1997.

4. Республика Татарстан. Модель этнологического мониторинга. Категория 6 Контакты и стереотипы. М., 1999. (Режим доступа на 01.10.2011) <http://www.kazanfed.ru/authors/abdrakhmanov/publ6/>

5. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997.

6. Хакимов Э.Р. Особенности адаптации молодежи из удмуртских деревень в крупном городе // Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.8. Удмуртская диаспора. - М. - Ижевск, 2008, с. 515-519.

7. Хотинец В.Ю. Этнические стереотипы: гендерный аспект (на примере доминантных народов Удмуртской Республики) // Вестник Удмуртского университета, 2008, №2. (Режим доступа на 01.10.2011) http://vestnik.udsu.ru/2008/2008-09/vuu_08_032_01.pdf

8. Христолюбова Л.С. Стереотипы общения и социализации личности // Традиционное поведение и общение удмуртов: Сб. ст. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. - С. 31- 42.

9. Хухлаев О.Е. Как говорить об «иных»? или Измерения культуры в сфере образования (Режим доступа на 01.10.2011) http://psy.1september.ru/view_article.php?id=200902004